

ОДИССЕЙ

2010
2011

Школа и образование
в Сопотской школе в Польше и России

Дети, мастера и традиции
в программах для школьников и их
родителей

Арт-проекты и арт-инициативы
«Сфинксы» — Ольга Буркина

Сам Габриэль и Пьер-Антуан

ИЛКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИНКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь),
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.П. ГЛУШКОВА,
кандидат исторических наук С.Г. ЯКОВЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989– .

2010/2011 : Школа и образование в Средние века и Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2012. – 000 с. – 15ВК 978-5-02-037561-1.

Альманах посвящен теме образования и религиозного воспитания в Европе от поздней античности до XX в. Разнообразные формы обучения и системы образования рассматриваются как один из важнейших инструментов формирования религиозной идентичности в европейском обществе. Рассматривается роль античной традиции в возникновении средневековой школьной системы в католическом и православном мире; исследуются проблемы национального и религиозно-конфессионального образования в странах Европы и Америки в Новое время. В разделе “Историк и изображения” публикуются статьи по средневековой иконографии. Другие разделы выпуска посвящены социальной истории, религиозной культуре средневековья и теории исторического знания. Большая часть материалов посвящена проблемам истории России, ее прошлому и актуальному настоящему.

Для историков, историков культуры, специалистов в области гуманитарного знания и более широкого круга читателей...

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037561-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2012
- © Лучицкая С.И., составление, 2012
- © Коллектив авторов, 2012. Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” разработка, оформление), 1989 (год основания, 2012
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 20102

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

О.В. Ауров

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕСТГОТОВ (VI–VII вв.).....

М.В. Рыбина

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХРИСТИАН МУСУЛЬМАНСКОЙ КОРДОВЫ (IX ВЕК)

О.Е. Кошелева

ОБУЧЕНИЕ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

Л.А. Пименова

МАГИСТРАТЫ ПРОТИВ ИЕЗУИТОВ: СПОРЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ВО ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

И.М. Супоницкая

ДЖОН ДЫОУ И “НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК” СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДВЕ УТОПИИ

Е.Ю. Рогачева

“НОВЫЕ ЛЮДИ ДЛЯ НОВОЙ ЭРЫ”: ВКЛАД ДЖОНА ДЫОУ В РЕАЛИЗАЦИЮ ИДЕАЛА “НОВОГО ЧЕЛОВЕКА”

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

А.Е. Махов

СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА И ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОЛИФОНИИ

Д.И. АНТОНОВ, М.Р. МАЙЗУЛЬС

ДЕМОНЫ, МОНСТРЫ И ГРЕШНИКИ: НЕГАТИВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ.....

Ю.Ф. Игина

ИЗОБРАЖАЯ ВЕДЬМУ: ИКОНОГРАФИЯ ВЕДЬМ В АНГЛИЙСКОЙ ПАМФЛЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

В.Н. Малов

КРАХ ГЕРОИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА: “СОФОНИСБА” ПЬЕРА КОРНЕЛЯ

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Отто Герхард Эксле

“ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ” – ЕЩЕ НЕ ПОНЯТАЯ ИСТОРИЯ.....

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

О.В. Хаванова

ОБРАЩЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСТВО КАК АРГУМЕНТ
В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Петер Динцельбахер

СУД ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И СУД ВСЕМИРНЫЙ.....

Жан-Клод Шмитт

СНЫ ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО.....

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Л.В. Вольфцун

МИХАИЛ ЭММАНУИЛОВИЧ ШАЙТАН ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГ-
СКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1920-Х ГОДОВ.....

ДЕЯТЕЛИ ИСТОРИИ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Л.Ф. Борусяк

“САМЫЕ ВЕЛИКИЕ...”

А.Г. Левинсон

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СТАЛИНЕ (ПО МАТЕ-
РИАЛАМ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА)

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

А.А. Панченко

КОММУНИСТЫ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И “НА-
РОДНАЯ РЕЛИГИЯ”

Д.М. Володихин

ЧТО ЛИКВИДИРОВАЛИ, КОГДА ОТМЕНИЛИ ОПРИЧНИНУ?

М.Ю. Зенченко

“...ХОТЯТ ТАТАРОВЕ ТАМГИ И ДЕСЯТИНЫ” (ПО ПОВОДУ СПОР-
НОСТИ БЕССПОРНЫХ МНЕНИЙ О “ТАТАРСКОМ НАСЛЕДИИ” НА
РУСИ)

ПУБЛИКАЦИИ

М.Ю. Неклюдова

**ИЗГНАННИК ИЗ XVII ВЕКА: ШАРЛЬ ДЕ СЕНТ-ЭВРЕМОН И ЕГО “БЕ-
СЕДА Г-НА МАРШАЛА Д’ОКЕНКУРА С ОТЦОМ КАНЕ”**

SUMMARIES

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

АЛЛА ЛЬВОВНА ЯСТРЕБИЦКАЯ (1932–2010)

CONTENTS

SCHOOL AND EDUCATION IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIME.

O.V. Aurov

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: THE
MAKING OF THE CHURCH SCHOOL SYSTEM IN THE VISIGOTHIC
KINGDOM (6TH-7TH C.)

M.V. Rybina

RELIGIOUS EDUCATION AND THE SHAPING OF CONFESSIONAL
AND CULTURAL IDENTITY OF THE CHRISTIANS IN 9TH CENTURY
MUSLIM CORDOBA.....

O.Ye. Kosheleva

TRAINING WITHIN THE MEDIEVAL RUSSIAN ORTHODOX
TRADITION.....

L.A. Pimenova

MAGISTRATES VS. JESUITS: DISPUTES CONCERNING NATIONAL
AND RELIGIOUS/CONFESSIONAL EDUCATION IN THE MID-18TH
CENTURY FRANCE

I.M. Suponitskaya

JOHN DEWEY AND SOVIET RUSSIA'S 'NEW MAN': TWO UTOPIAS

E.Yu. Rogatchyova

'NEW PEOPLE FOR A NEW ERA': JOHN DEWEY'S CONTRIBUTION TO
THE IMPLEMENTATION OF THE 'NEW MAN' IDEAL.....

THE HISTORIAN AND IMAGES

A.Ye. Makhov

THE STRUCTURE OF MEDIEVAL IMAGES AND THE INVENTION OF
POLYPHONY.....

D.I. Antonov, M.R. Maizuls

DEMONS, MONSTERS AND SINNERS: NEGATIVE CHARACTERS IN
THE SPACE OF THE OLD RUSSIAN ICONOGRAPHY

Yu.F. Igina

DEPICTING A WITCH: THE ICONOGRAPHY OF WITCHES IN EARLY
MODERN ENGLISH PAMPHLETS

HISTORY AND LITERATURE

V.N. Malov

THE COME-DOWN OF HEROIC INDIVIDUALISM: PIERRE COR-
NEILLE'S SOPHONISBE.....

THE THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

'HISTORY OF CONCEPTS', A HISTORY YET TO BE CONCEIVED

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CONVERTING TO CATHOLICISM AS AN ARGUMENT IN THE LATE
18TH CENTURY HABSBERG MONARCHY

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

Peter Dinzelbacher

THE FINAL JUDGMENT: PERSONAL AND GLOBAL

Jean-Claude Schmitt

GUIBERT OF NOGENT'S DREAMS

THE HISTORIAN AND HIS TIME

L.V. Volftsun

MIKHAIL EMMANUILOVICH SHAITAN. A CASE IN THE HISTORY OF
MEDIEVAL STUDIES IN ST. PETERSBURG IN THE 1920'S

HISTORICAL FIGURES AND MASS CONSCIOUSNESS

L.F. Borusyak

'THE GREATEST ONES'

A.G. Levinson

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION ON STALIN (BASED ON LEVADA-
CENTER SURVEYS)

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

A.A. Panchenko

COMMUNISTS AGAINST SUPERSTITIONS: THE SOVIET STATE AND
THE 'POPULAR RELIGION'

D.M. Volodikhin

WHAT WAS ELIMINATED AS THE OPRICHNINA WAS ABOLISHED?

M.Yu.I. Zenchenko

'... THE TARTARS DEMAND THE TAMGA AND THE TITHE': ON THE
DISPUTABILITY OF INDISPUTABLE OPINIONS CONCERNING THE
'TATAR LEGACY' IN THE OLD RUS

PUBLICATIONS

M.S. Neklyudova

EXILED FROM THE SEVENTEENTH CENTURY: CHARLES DE SAINT-ÉVREMOND AND HIS CONVERSATION DU MARÉCHAL D'HOCQUINCOURT AVEC LE PÈRE CANAYE.....

SUMMARIES

IN MEMORIAM

Alla L'vovna Yastrebitskaya (1932–2010)

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ*

О.В. Ауров

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”¹: СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕСТГОТОВ (VI–VII вв.)

В самом конце VII в. Юлиан Толедский (†690)², последний известный нам представитель блестящей традиции, восходящей к Исидору Севильскому, характеризуя одного из своих наиболее видных предшественников по толедской кафедре – Ильдефонса (†667)³, – наряду с другими выдающимися его качествами, говорит о глубоких знаниях и ораторском даре (“eloquendi facultate graesirius”), свойственных покойному епископу и писателю. Причем на этот дар обращается особое внимание: оказывается, что Ильдефонс был столь невероятно красноречив, что обладал не только выдающейся способностью крайне внятно излагать свои мысли (“disserendi ingenio clarus”), но и особой легкостью (текучестью) речи (“linguae flumine copiosus”), а также столь блестящей способностью выступать на диспутах, что в этом отношении может быть уподоблен не человеку, а самому Богу⁴.

Это сочинение стало продолжением едва ли не самого известного из трудов самого Ильдефонса – “О знаменитых мужах” (позднее уже преемник Юлиана, Феликс Толедский, придаст завершение этому тексту, включив в него творческую биографию своего предшественника)⁵. Причем и в основной части текста, которая принадлежит Ильдефонсу, объектом восхищения оказывается та же изощренность в ораторском искусстве, неподражаемым идеалом которой, разумеется, оказывается сам Исидор Севиль-

* В этом разделе публикуются тексты докладов, обсуждавшихся на круглом столе “Образование и религиозное воспитание: формирование конфессиональных идентичностей в Европе от поздней Античности до XIX в.”, проведенной редколлекцией “Одиссея” 21 апреля 2009 г. Издание настоящего выпуска “Одиссея” осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 100100388а.

ский: его речи были столь блестящи и совершенны, что поражали аудиторию, а передать их содержание можно было, лишь повторив дословно, восхищается писатель⁶.

Эти и другие подобные замечания, содержащиеся в испанских текстах VII в., являются ничем иным, как прямым свидетельством сохранения значимых элементов античной культуры, центральное место в которой, как известно, занимал оратор. “Чье искусство по славе своей сравнится с ораторским?.. чьи имена родители втолковывают своим детям; кого простая невежественная толпа знает по имени, на кого указывает пальцем?”, более чем за полтысячелетия до Юлиана Толедского восклицал Тацит⁷. Соответственно, должна была сохраниться и традиция обучения ораторскому искусству, т.е. элементы античной системы образования, ориентированной на воспитание оратора (в эпоху Империи – прежде всего, судебного оратора)⁸.

Следует особо отметить, что в римский период испанские провинции отличались высоким уровнем преподавания ораторского искусства: не случайно знаменитый Квинтиллиан, автор самого известного руководства по подготовке ораторов, происходил из испанского города Калагурриса (вероятно, современной Калаорры)⁹. Однако к VII в. ситуация претерпела уже весьма значительные изменения, связанные как с падением Западной империи, так и, особенно, с распространением христианства. Достаточно сказать, что Аврелий Августин, посвятивший изучению и преподаванию риторики большую часть своей жизни, отзывается о ремесле как самого оратора, так и ритора, профессионально занятого обучением людей этой специальности, откровенно пренебрежительно. В частности, соответствующие замечания разбросаны по всему тексту его “Исповеди”.

Ритор для Августина – это “продавец слов” (“*venditorem verborum*”) (Aug. Conf. IX.5.13), его рабочее место – “кафедра лжи” (“*cathedra mendacii*”) (Aug. Conf. IX.2.4) или “школа болтовни” (“*loquacem scholam*”) (Aug. Conf. VIII.5.10), а потому даже полотнище над входом в нее оказывается ничем иным, как “покровом греха” (“*tegimentum erroris*”) (Aug. Conf. I.13.22). Приняв в свое сердце христианского Бога и, как только это оказалось возможным, отказавшись от продажи “победоносной болтовни”¹⁰, будущий гиппонский епископ с похвалой отзывается о простоте и даже темноте, необразованности “своего брата-христианина”, поскольку эта святая простота и есть наивысший образец для подражания (разумеется, пока дело не касается основ вероучения)¹¹.

Позиция одного из главных Учителей Западной Церкви является весьма показательной потому, что его тексты получили широчайшее распространение уже при жизни их автора, а после смерти Августина они стали источниками для многочисленных подражаний, в том числе – и в Испании, где (как, впрочем, и в остальной части бывшего римско-латинского мира) в первые столетия Средневековья гиппонский епископ являлся одним из наиболее активно цитируемых христианских писателей. В частности, прямое влияние августиновских идей отмечается в текстах Исидора Севильского.

В целом ряде своих сочинений последний прямо восхваляет христианское смирение в противовес гордыне и самолюбиванию – чертам, столь свойственным античным ораторам и порицавшимся уже Августином¹². Прямой антитезой приведенным выше словам Тацита о славе и популярности римских ораторов звучит исидорово: “Избегай славы у народа, жизни, вызывающей восхищение простолюдинов, перестань упиваться восхищенными взглядами, не будь овеваем ветром благоговения”¹³. Наконец, в тех же сочинениях Исидора можно найти и прямые призывы к отказу от риторической пышности речей – того, что вслед за Августином севильский епископ именует “болтовней” (“loquacitas”), ибо “мудрый пользуется немногими словами”¹⁴. Есть даже прямые указания на греховность чрезмерного многословия¹⁵. В целом же, слову надлежит предпочитать дело – именно в этом и состоит одна из главных христианских добродетелей¹⁶.

Это очевидное противоречие не касается одних только идеалов и в полной мере распространяется и на литературную традицию, стилистика которой, по меньшей мере до конца VII в., сохраняла тесную связь с традицией, устной в той же мере, в какой это было свойственно и по преимуществу устной же культуре Античности. На этом фоне обращает на себя внимание четко проявляющаяся в начале столетия тенденция к усложнению (а не упрощению, как можно было бы подумать) латинского языка как церковного, так и королевского законодательства. Этот язык, изобилующий сложными риторическими фигурами, метафорами и плеоназмами (на что уже давно обращено внимание в научной литературе¹⁷), вместе с тем должен был находиться в тесной связи с традицией судебного красноречия, поскольку тексты законов, соответствующие сути рассматриваемого гражданского или уголовного дела, в обязательном порядке оглашались в судебных

заседаниях¹⁸ и, следовательно, должны были хорошо пониматься присутствующими.

* * *

Априори эта противоречивость данных (отнюдь не исчерпывающаяся приведенными примерами) может свидетельствовать как в пользу, так и против факта сохранения преемственности в системе образования между эпохой римской Испании, с одной стороны, и VI–VII вв., на которые приходится этап гибели Тулузского королевства вестготов (до 506–507 гг.), переходный период, связанный с остготской гегемонией и хаосом, последовавшим за падением Остготского королевства в Италии, и, наконец, возникновения Толедского королевства вестготов (после 567 г.), в VII столетии вступившим в этап своего кратковременного расцвета¹⁹.

Наиболее значимой вехой романо-варварской эпохи в истории Пиренейского полуострова стало принятие вестготами ортодоксального вероисповедания, оформленное решениями III Толедского собора (589 г.)²⁰. Обусловленное сложными процессами, затронувшими как испано-римский, так и варварский социумы, это событие положило начало новому этапу в истории Толедского королевства. Спецификой его политического строя с этого времени стала своеобразная “симфония” светской и духовной власти, основными проявлениями которой явилась значимость позиции епископата в системе управления королевством и особая роль общегосударственных толедских соборов, не имевших аналогов в современной им истории²¹. Такие соборы, проходившие с обязательным участием короля и представителей светской знати, участвовали в принятии важнейших политических решений, а их постановления были обязательны к применению в судах наряду с королевскими законами, после 654 г. кодифицированными и составившими “Книгу приговоров” (*Liber Iudiciorum*), известную в литературе под названием “Вестготская правда”²².

После III Толедского собора христианская Церковь приобрела в Толедском королевстве такое влияние, аналогов которого не знало ни одно другое романо-варварское королевство и которое, разумеется, отразилось и в развитии культурных процессов. Имена Леандра (†ок. 601) и особенно Исидора Севильских (ок. 570–636), открыли новый этап в истории испанской культуры. Учениками Исидора являлись Браулион Сарагосский (†после 651 г.) и, возможно, король-писатель Сисебут (612–621). По некоторым сведениям, какое-то время у него учился также Ильдефонс Толедский. В свою очередь, учениками Браулиона Сарагосского

являлись Тайон Сарагосский (ок. 602 – ок. 683) и епископ-поэт Евгений II Толедский (†657). Наконец, у последнего учился Юлиан Толедский – последний представитель исидоровой школы и, одновременно, последний крупный испано-латинский писатель вестготской эпохи.

В значительной мере именно эти имена и их тексты определяли развитие испанской литературной традиции в Испании VII в. К ним (как к персоналиям, так и к текстам) можно добавить немного: в первом случае – имена историка Иоанна Бикларского (после 540 – между 624 и 631) и поэта и писателя Валерия из Бьерсо (†695), а ко вторым – анонимный цикл “Жития отцов меридских” и “Житие св. Фруктуоза” (длительное время приписывавшееся Валерию из Бьерсо).

Несмотря на относительную многочисленность созданных ими сочинений, мы не имеем почти никаких сведений о том, где и как учились все эти писатели; в лучшем случае известны имена их учителей и место учебы. Именно поэтому исследователи, касавшиеся этой проблемы, в конечном итоге, были вынуждены избрать один из двух возможных путей. Первый – попытаться заполнить существующие лакуны за счет данных, происходящих из других регионов варварского Запада (Ж. Фонтен, Ф. Мартин-Эрнандес²³). Этот путь имеет свои преимущества, однако придает итоговым выводам чрезмерно обобщенный характер, что внушает неизбежные сомнения. Действительно, применительно к VI–VII вв., т.е. к периоду, одновременно и следовавшему за падением Западной Римской империи и предшествовавшему возникновению Империи Каролингов, еще (или уже) сложно говорить о политическом, церковном или культурном единстве Латинского Запада. Следовательно, есть все основания полагать, что и система образования должна была отличаться значительным своеобразием, тогда как обобщенный взгляд вольно или невольно “стирает” эту региональную специфику.

Второй путь предполагает по преимуществу ограничение выводов частными замечаниями, основанными на сугубо конкретных текстах и учитывающими многообразие местных особенностей, но явно недостаточными для создания целостной картины. Именно этот путь избрало для себя большинство исследователей проблемы, главным образом, испанских – Р. Хиберт, М. Диас-и-Диас, Х. Орландис, П. Рише, Л. Гарсия-Морено, Л. Гарсия-Игlesiас и некоторые другие²⁴.

Ниже я постараюсь сделать еще одну попытку обобщения разнородного сохранившегося материала, для того чтобы разобраться в реальном или видимом противоречии между кажущимся присутствием духа античной образованности в одних текстуальных свидетельствах, с одной стороны, и его последовательным отрицанием в других, современных первым. При этом очевидная фрагментарность информации последних заставляет говорить о каждом из них отдельно, по мере его введения в поле исследования.

* * *

Приступая к непосредственному анализу текста источников, следует прежде всего отрешиться от современных представлений о школе, которая в сознании наших современников прочно ассоциируется с неким более или менее обезличенным учреждением со всеми его атрибутами – зданиями, штатами учителей, четко определенными учебными программами, стандартными дидактическими методами и критериями оценки успеваемости учащихся. Такой школы не было, да и не могло быть ни в Античности, ни в первые столетия Средневековья. “Школа” целиком и полностью персонифицировалась в фигуре учителя.

Наиболее четкое выражение этот принцип находит, пожалуй, в конституции императоров Феодосия II и Валентиниана III, изданной в Константинополе в мартовские иды 425 г., содержащей привилегии константинопольским учителям. Включенная в кодификацию Феодосия II в своем изначальном виде, она содержит поименный перечень последних: грамматик-грецисты Элладий и Сириан, грамматик-латинист Феофил, софисты (учителя философии и красноречия) Мартин и Максим, преподаватель права Леонтий²⁵. Позднее, когда эта конституция была внесена в кодификацию Юстиниана (CJ.XII.15.1), ее текст подвергся редакции, и, среди прочего, из него были исключены конкретные имена. Однако это не изменило общего принципа предоставлять привилегии не учреждениям, а лицам, исполняющим конкретные функции: очевидно, что к моменту составления кодекса Юстиниана, привилегии соответствующим категориям учителей уже обрели характер прецедента и надобность в поименном перечне отпала.

Конституция СТ.VI.21.1 – это (пусть и не абсолютное²⁶) исключение, которое наиболее четко определяет правило. Правовые тексты эпохи Империи – как юридические трактаты, сохраненные в виде фрагментов в “Дигестах Юстиниана”, так и императорские конституции – попросту не знают понятия “школа” в его современ-

ном смысле. Зато как ученому юристу, пользовавшемуся при этом “*ius respondendi*” (т.е. чье мнение приобретало характер правовой нормы), так и законодателю-практику были прекрасно известны учителя разных категорий – от преподавателей начальных школ (*ludi magistri*)²⁷ и арифметики (*calculatores*)²⁸, наименее привилегированной части преподавательского сообщества, до грамматиков, учителей латыни или греческого (*grammaticos atticae romanaeque doctrinae*)²⁹ и еще более высокопоставленных преподавателей – “*rhetores*”, “*professores*”, *magistri litterarum*, специализирующихся в обучении конкретным предметам (“*litterae*”) – философии³⁰, праву³¹, изобразительному искусству (*picturae professores*)³² и геометрии³³. Особенно часто представители этой наиболее элитарной когорты преподавателей именуется риторам³⁴.

Строго говоря, учителя всех этих категорий являлись лицами свободных профессий, что отражалось и в наименовании их занятий – “*studia liberalia*” или “*artes liberales*”. Образ жизни такого “свободного художника” и связанные с ним трудности подробно описаны Августином, который прошел все ступени преподавательской карьеры грамматика и ритора: начав свою учительскую карьеру в родной Тагасте (Aug. Conf. IV.4.7), он продолжил ее в Карфагене (Aug. Conf. IV.7.12) и Риме (Aug. Conf. V.8.14), а закончил в Медиолане (Aug. Conf. V.13.23). Показательно при этом, что, если его переезд из Тагасты в Карфаген был мотивирован стремлением к более высоким гонорарам, то отъезд в Рим объяснялся стремлением избавиться от того зависимого положения, которое тяготело над ним как над “частным предпринимателем”, вынужденным во многом действовать на свой страх и риск: Августин попросту устал терпеть высокомерие, а порой – и открытое издевательство со стороны своих учеников³⁵. В Риме, однако, он столкнулся с другой, но обусловленной той же основной причиной, проблемой: ему просто не внесли плату за преподавание³⁶. Именно это и заставило его, в конечном итоге, перебраться в Медиолан (Милан), где ему предложили должность штатного преподавателя риторики на службе у города³⁷.

Такие учителя, входящие в штат (*numerus*) и состоящие при городских властях, фигурируют и в правовых текстах эпохи Августина³⁸. В период Поздней империи они даже имели право на получение жалования (аннон) от города. Однако даже с учетом этого несомненно важного факта значение понятия “*numerus*” все-таки отличалось от современного представления о штатной должности. Прежде всего принадлежность к нему давала право

не на жалование, а на особо широкий круг привилегий, что предполагало освобождение от целого ряда повинностей и обременений. Этими особыми правами чем дальше, тем в большей степени (по мере ужесточения фискального режима в эпоху Поздней империи) пользовались не все преподаватели³⁹, а только те, кто (по всей видимости, на сугубо персональной основе) был включен в особый регистр, который, собственно, и назывался *pumetus* в узком смысле. Подобная практика была хорошо известна уже эпохе Принципата (ее упоминает Ульпиан в трактате о судебных учреждениях⁴⁰); позднее она получила отражение и в императорском законодательстве⁴¹.

Подобное отношение законодателя к статусу преподавателей не выглядит случайным: несмотря на формально свободный статус учителей, их функции рассматривались как значимые для государства, для которого они были “преподавателями полезных и необходимых искусств” (“*salutaris ac necessariae artis professoribus*”)⁴²: не случайно наряду с ними в качестве получателей соответствующих льгот фигурируют также ординарные (*medici*)⁴³ и придворные (*archiatres*)⁴⁴ врачи, а также публичные ораторы (*oratores*)⁴⁵. Причем эти положения представляли собой нормы непосредственного действия, а вовсе не общетеоретические размышления законодателя.

Среди прочего, это хорошо видно на примере того же Августина. Вопрос о выборе кандидата на вакантное место преподавателя риторики в Медиолане решался непосредственно префектом Рима Симмахом, получившим официальное предписание из новой столицы Империи, доставленное государственной почтой. Получив должность, Августин автоматически обрел и статус чиновника: именно в этом качестве он должен был выступить с хвалебной речью перед императором. О значимости самого поста говорят и первоначальные планы Августина после прибытия в Милан: служба городу должна была предоставить ему возможность для дальнейшего продвижения на должность наместника провинции, которая и стала бы венцом его карьеры⁴⁶.

Однако августиновский текст интересен и с другой точки зрения. Дело в том, что в нем фигурирует весьма важное понятие, неизвестное римскому законодательству в том его значении, которое употребляет гиппонский епископ. Речь идет о термине “*schola*” и его непосредственном производном – “*scholasticus*”. И если в правовых текстах последнее отсутствует вовсе, а первое употребляется в обобщающем значении корпорации, то у Авгу-

стина под первым понимается школа, а под вторым – школьник (или, скорее, школяр)⁴⁷. По всей видимости, речь идет о профессиональном преподавательском жаргоне, тем более, что, в конечном итоге, это последнее значение вовсе не противоречит основному словоупотреблению термина, а является скорее его частным случаем. Думается, сказанное объясняет, почему такой информированный автор, как Исидор Севильский, употребляет оба слова крайне редко: только трижды и лишь в “Этимологиях” (плюс еще один случай употребления прилагательного “scholasticus” в значении “учебный”, отмечаемый в сочинении “О знаменитых мужях”)⁴⁸. В любом случае, ни под августиновой, ни под исидоровой “schola” не подразумевалось какого-либо учреждения, а лишь только сообщество, причем порой – довольно произвольного состава (“schola philosophorum” и т.п.).

Приведенные соображения имеют большое значение не только для адекватного понимания характера учителя и его профессии в эпоху Античности: они важны также и для понимания ситуации непосредственно в испанских провинциях. С одной стороны, целый ряд важных конституций распространялся на них изначально. С другой стороны, с момента обнародования Кодекса Феодосия, который, в отличие от кодификации Юстиниана, получил широчайшее распространение на Западе, а особенно – в Испании, где в 506 г. Аларих II обнародовал его пространную эпитуму – “Бревиарий Алариха” (известную также как “Lex Romana Visigothorum”), все включенные в него конституции приобрели статус “общего закона” (“lex generalis”), вне зависимости от своего первоначального адресата⁴⁹. Таким образом, приведенные выше положения характеризовали в значительной степени и статус преподавателей, действовавших в испанских провинциях Империи.

Сказанное позволяет не только приблизиться к пониманию причин постепенного исчезновения школы античного типа, но и более глубоко понять те лапидарные данные, которые содержатся в источниках VI–VII вв. Тесная и даже неразрывная связь античных преподавателей неминуемо должна была привести к постепенному исчезновению городских учителей по мере упадка римских учреждений. А потому, хотя в современном антиковедении было значительно смягчено ранее господствовавшее представление о тотальном кризисе таких учреждений в период Поздней империи⁵⁰, отрицать его полностью нет все же никаких оснований.

Еще большее значение для судеб античного типа образования имел процесс постепенного перетекания функций позднеримских

муниципальных магистратов и куриалов к епископату и клиру, наметившийся уже в IV в. и развивавшийся на протяжении последующих столетий. Императорские конституции IV – начала V в., составившие второй титул XVI книги Кодекса Феодосия, являются наглядным свидетельством стремления властей сохранить четкую границу между клириками, наделенными широким кругом фискальных привилегий, и куриалами, на которых всей своей тяжестью ложилось бремя государственных налогов (уплату которых они должны были гарантировать своей собственностью), и тем самым сохранить дееспособность муниципальных учреждений⁵¹.

Судя по составу “Бревиария Алариха”, в начале VI в. императорские законы, касавшиеся куриалов и муниципальных магистратов, все еще сохраняли свое значение⁵². Однако период ослабления власти, последовавший за гибелью Алариха II в битве при Пуатье (506/507 г.), падением Тулузского королевства, а затем – и вестготской гегемонии, снимал препятствия для развития процесса перетекания куриалов в состав клириков. Тем более, что, как Ф. Жак показал на примере посланий св. Киприана Карфагенского, уже в III в. в римской Проконсульской Африке (влияние церковных учреждений которой на испанские в тот период являлось доминирующими) статус клирика испытал значительное влияние правовой модели статуса куриала⁵³. Следует обратить также внимание на некоторые каноны так называемого “собора в Эльвире” (Иллиберисе, совр. Гранада) (начало IV в.), особо оговаривающие порядок принятия христианства муниципальными магистратами, что уже само по себе подчеркивает особое внимание Церкви к лицам этой категории⁵⁴.

В условиях слабой королевской власти переходного времени (до 567 г.) эта изначальная близость также сыграла свою роль. А потому, хотя в последний раз куриалы упоминаются в законодательстве вестготских королей в середине VII в., в правление Хиндасвинта (642–652)⁵⁵, на деле их место было уже практически занято епископами и клиром. Так, например, весьма показательно, что много ранее, в конце VI в., при короле Реккареде Католике (586–601), избрание существовавших с периода Поздней империи дефенсоров городов контролировалось уже вовсе не курией и муниципальными магистратами, а епископом и стоящим за ним клиром⁵⁶.

Эта тесная связь испанского епископата и клира с городской жизнью позволяет по-новому взглянуть на известные данные, ка-

сающиеся становления церковного образования. Прежде всего показательно, что в соответствующем контексте церковные учреждения впервые фигурируют в 527 г., в 1-м каноне II Толедского собора⁵⁷, носившего характер провинциального. Последнее означает, что это постановление автоматически распространилось лишь на территорию Карфагенской провинции, к которой в тот период относился Толедо и центром которой являлся Новый Карфаген (Картахена). В литературе эта норма единодушно интерпретируется как свидетельство о появлении епископских школ, причем не только в Картахенской провинции, но и во всей Испании⁵⁸.

На самом деле, во-первых, последнее не подтверждается ни одним текстом: ни один провинциальный собор как до конца VI в., так и впоследствии (включая постановления общегосударственных толедских соборов) не принимал подобных канонов; отсутствуют даже косвенные упоминания о преподавании каких-либо дисциплин при епархиальных базиликах под надзором епископов. Во-вторых, весьма показательна дата издания рассматриваемого канона. Она приходится на время правления юного короля Амарариха (507–531), сына павшего при Пуатье Алариха II и внука короля остготов Теодориха Великого, последнего представителя династии Балтов. До 526 г. находился под полной опекой своего деда, а после его смерти неудачно попытался обрести реальную, а не номинальную власть, что закончилось весьма плачевно: в 531 г., потерпев от франков поражение под Нарбонной, он бежал в Барселону, где и был убит собственными воинами во время военного смуты⁵⁹. Короче говоря, 527 г., время издания 1-го канона II Толедского собора, приходится на период ослабления королевской власти, которая утратила возможность эффективного контроля за ситуацией в городах вообще, и за положением куриалов, в частности.

Если учесть при этом, что значительная часть Карфагенской провинции представляла собой внутренние области полуострова, и в римское время лишенные больших процветающих городов, становится понятным, почему именно в далеком провинциальном Толедо и появилось издание этого канона. Ведь именно в городах, подобных ему, содержание учителей за счет муниципальных властей и даже предоставление им податных льгот должно было являться особенно обременительным. Как следствие, Церковь городов такого рода должна была испытывать острую нехватку не элементарно грамотных (в каковых еще долго не было недостат-

ка⁶⁰), а по-настоящему образованных людей, способных исполнять обязанности клирика религии, “книжный” характер которой общеизвестен.

В-третьих, наконец, в строгом смысле в рассматриваемом каноне не говорится ни слова о школе как учреждении. Мы узнаем лишь, что если родители желают, чтобы их сын стал клириком, то “a primis infantiae annis”, т.е. приблизительно с шести-семи лет (если учитывать то значение, которое в тот период вкладывалось в слово “infantia”⁶¹), его надлежало передать для пребывания при епархиальной базилике (“in domo ecclesiae”), где им следовало выполнять роль служек (“ministerio electorum contraditi fuerunt”), причем этот статус пребывающих при Церкви внешне подчеркивался выбриванием тонзуры. Наконец, там же, в церковном здании, в присутствии епископа их должен был обучать кто-то старший из клириков. (Моя неуверенность в последнем случае объясняется тем, что четко определить содержание понятия “pr(a) epositus” (в узком смысле – просто “поставленный над”, “начальник”) весьма затруднительно, поскольку в рассматриваемый период оно использовалось как в светской, так и в церковной (в том числе – монастырской) среде и не имело фиксированного значения.) Наконец, по достижении 18 лет юноши могли стать (или не стать) клириками, что и оговаривается в тексте канона. Вот, собственно, и все.

Никакой, даже поверхностной, информации об учебной программе и принципах обучения канон не содержит. Очевидно, они определялись самим преподавателем (разумеется, под контролем епископа). Мы даже не знаем, обучались ли мальчики индивидуально или в группе. И едва ли все эти недомолвки были случайны: скорее всего они просто не были значимы для принявших канон отцов II Толедского (провинциального) собора. По всей видимости, решение всех этих вопросов полностью передавалось на усмотрение учителя, который пользовался значительной свободой, ограничиваемой лишь надзором со стороны епископа.

Таким образом, перед нами не школа в строгом смысле этого слова, а, как и в римское время, индивидуальный преподаватель, которому (что опять же было характерно для всех категорий римских учителей) родители передают на воспитание своих чад для их подготовки к публичной деятельности, с той лишь разницей, что теперь это не карьера судьи или публичного оратора, а клирика. Еще одно важное отличие заключается в том, что теперь этот преподаватель состоит не при муниципальных властях (уже не

способных выполнять соответствующую функцию), а при церкви. Да и сам он является клириком, что, в свою очередь, освобождает его от необходимости заботиться о хлебе насущном (и, среди прочего, объясняет отсутствие упоминаний о взимании платы за обучение, если не считать того, что в качестве таковой, в известной мере, можно рассматривать прислуживание мальчиков при базилике).

Близкие впечатления возникают и при анализе еще одного текста⁶², который в литературе также принято рассматривать как свидетельство существования школ, на этот раз – монастырских. Речь идет о фрагменте монашеского устава Исидора Севильского, компилятивный характер которого и влияние на его содержание устава св. Бенедикта Нурсийского хорошо известны⁶³. Среди прочего, в нем говорится о том, что, по выбору аббата, кому-либо из пожилых и знающих монахов может быть доверено воспитание и обучение детей, состоящих при монастыре.

В данном случае мы видим некий поверхностный очерк содержательной стороны такого обучения. Во-первых, учить стоит “*studiis litterarum*”, т.е., по всей видимости, грамматике в античном смысле этого понятия. Правда, у Августина, сочинения которого были весьма распространены, это понятие присутствует и для обозначения простого обучения грамоте⁶⁴, однако в сочетании с понятием “*studium*” оно, вероятно, меняет свое значение⁶⁵. Особенно же показательным является фрагмент написанного королем Сисебутом жития св. Дезидерия Вьеннского, в котором под “*studia litterarum*” однозначно понимается грамматика⁶⁶.

Сложнее разобраться со второй составляющей такого рода обучения, обозначенной как “*documentis magisterioque virtutum*”. Под термином “*documentum*” в схожем контексте в тот период чаще всего понимались основополагающие христианские тексты, такие, как, например, апостольские послания или же постановления вселенских соборов и приравненные к ним по значению сочинения Учителей Церкви⁶⁷. Что же касается “*magisterium*”, то оно крайне редко употребляется в христианских текстах означенного времени, а, тем более, еще не приобрело той определенности, которая была придана ему на IV Латеранском соборе (1215 г.), изложившем основы “учения о магистерии”. Поэтому остается полагать, что путем обучения “добродетелям”, помимо освоения главных христианских текстов, был также и личный пример учителя: не случайно Исидор подчеркивает ту святость жизни, тот значимый жизненный опыт и те глубокие знания, которыми дол-

жен обязательно обладать наставник, избранный для воспитания учеников – “*sanctum sapientemque, atque aetate gravem*”.

Таким образом, и в данном случае на первый план также выходит учитель, а не некое обезличенное учреждение, с той лишь разницей, что здесь в качестве места его пребывания выступает не епархиальная базилика, а монастырь. В той же мере сохраняется и высокая степень свободы преподавания, ограничить которую, чисто теоретически, могло лишь вмешательство аббата. Ведь, судя по отсутствию иных указаний, именно самому учителю надлежало отобрать те тексты, которые преподавались ученикам как при прохождении курса грамматики, так и при переходе к следующей ступени обучения, которая, по всей видимости, заменила римскую школу ритора и предполагала развернутое знакомство с сутью христианского вероучения.

Следует сделать еще одну важную оговорку: как и в случае 1-го канона II Толедского собора, у нас нет никаких свидетельств того, что рассматриваемая норма была рассчитана на широкое распространение. Монашеский устав Исидора Севильского (в отличие от аналогичных уставов середины – второй половины VII в. – устава Фруктуоза Браккарского и так называемого “Общего устава”) так и стал общеиспанским. Да и автор писал его скорее с целью пропаганды монашеского идеала, чем для непосредственного практического применения. Применительно ко времени создания текста речь идет не более чем о казусе, едва ли оказавшем прямое влияние на то, что в монастырях середины VII в. углубленное обучение новичиев христианскому вероучению постепенно становилось общим правилом, по меньшей мере, в Картаженской провинции⁶⁸. В любом случае рассмотренная норма устава Исидора Севильского не является свидетельством появления некой сети особых “монастырских школ”.

Однако основным аргументом в пользу тезиса о том, что обучение в Толедском королевстве было процессом, протекающим не “в школе”, а “при учителе”, являются прямые данные, характеризующие процесс получения образования теми видными испано-христианскими писателями и церковными деятелями, применительно к которым соответствующие сведения сохранились.

Так, например, Фруктуоз Браккарский (†665), наиболее видный представитель испанского монашества всего VII в., а впоследствии – епископ Думио и митрополит Браккары (Браги), учился в Паленции (Паленсии) у епископа этого города Конанция (†639), обучившего его “духовным дисциплинам”, а не в какой-то

обезличенной “епархиальной школе”⁶⁹. Будущий толедский епископ Юст учился не просто “в школе” при монастыре Агали близ Толедо, а у Элладия, своего предшественника по кафедре, известного своей ученостью⁷⁰. Сисксила, автор позднего (написанного в X в.) жития Ильдефонса Толедского, уверенно характеризует его как ученика видного церковного деятеля и поэта Евгения II Толедского, тогда как последнего называет “*pedagogum suum*” и высоко отзывается о его учености (причем тот факт, что это учение проходило все в том же монастыре Агали, в данном случае не оговаривается)⁷¹. То же самое (и опять же напрямую) Феликс говорит в написанном им житии Юлиана Толедского, также учившегося у Евгения II (и, среди прочего, связанного с монастырем Агали)⁷². И такая ситуация сохранялась еще достаточно долго.

Сказанное, разумеется, не противоречит самой возможности говорить об определенных центрах образования. С той лишь разницей, что последние становились таковыми не в силу того, что были связаны с какими-либо “школами”, а исключительно исходя из факта пребывания (или проживания) в них лиц, известных своей ученостью и педагогическим даром. Так, например, Севилья приобрела этот статус в тот период, когда ее епископом являлся Исидор. Наиболее ярким свидетельством тесной личной связи этого выдающегося учителя с его учениками является сохранившаяся часть его переписки с Браулионом Сарагосским (подробнее о ней будет сказано ниже). После же смерти Исидора в 636 г. о деятельности какой-либо “севильской епархиальной школы” ничего не известно. То же самое можно сказать и о Сарагосе того периода, когда ее епископом являлся сам Браулион.

Несколько сложнее ситуация оказывается в случае монастыря Агали близ Толедо. Однако и здесь активная образовательная деятельность, в конечном итоге, оказывается связанной с именами конкретных персонажей – Элладия, позднее – Евгения II Толедского (ученика Браулиона, переехавшего в Толедо из Сарагосы по требованию короля Хиндасвинта), а впоследствии – его учеников Ильдефонса и Юлиана.

Разумеется, известность всех этих имен была предопределена их неординарностью: менее ученые и одаренные педагоги попросту не оставили столь яркого следа, а потому остались нам неизвестны. Однако невозможно игнорировать и того, что ни одна так называемая “епархиальная” или “монастырская” “школа” не стала известна нам сама по себе. Всякий раз упоминания об учебном процессе в том или ином городе или монастыре возникают исклю-

чительно в связи с именами их преподавателей. Таковы “школы” при монастырях св. Мартина в Ассане (район Уэски) (при аббате Викториане), Сервитанской обители аббата Евтропия (ее точное местоположение неизвестно), Думио (Галисия) (при Мартине Думийском), Бьерсо (в то время, как его аббатом являлся Валерий), а также при меридской базилике св. Евлалии в городе Мерида и Каулия в его окрестностях (при Масоне Меридском)⁷³.

Нет никаких сведений о том, с какого времени Церковь обрела свою вынужденную монополию на преподавание, т.е. с какого периода учитель-мирянин был окончательно вытеснен учителем-клириком или учителем-монахом. Во всяком случае, применительно к первой трети VII в. еще встречаются имена высокообразованных знатных мирян. В их числе – некий Булгар, комит Септимании, шесть писем которого, датируемых периодом 610–612 гг. и свидетельствующих об учености их автора, сохранилось⁷⁴, а также комит Лаврентий, имя которого упоминается в переписке Браулиона Сагосского в связи с его интересом к книгам (это – единственный мирянин VII в., известный как обладатель собственной библиотеки)⁷⁵. Однако ни одного имени учителя-мирянина от этого времени уже не дошло. Более того, после Лаврентия мы не знаем и ни одного имени высокообразованного светского лица: уже в первой трети VII в. полностью и всецело доминируют представители духовенства.

Трудно сказать, что сыграло в этом процессе большую роль: истощение слоя мирян-интеллектуалов из-за отсутствия светских учителей и угасания связанной с ними традиции или, наоборот, свертывание гражданской жизни античного типа свело на нет предложение на “рынке образовательных услуг”. Так или иначе, но место светского судьи (или, по меньшей мере, делопроизводителя при нем) заняли духовные лица. Часть функций исчезнувших народных собраний и форумов взяли на себя богослужения и обширные позднеантичные и раннесредневековые базилики, способные вместить массу людей. Соответственно, место публично-оратора занял клирик-проповедник. Места для интеллектуала-мирянина теперь уже попросту не оставалось.

Эти глобальные изменения коснулись и общих (в том числе – чисто внешних) обстоятельств преподавательского труда. Прежде всего изменились места проведения занятий. Портик на форуме, часть которого, для защиты от солнца затягивалась куском полотна и где учителя преподавали и взимали плату за обучение⁷⁶, ушел в прошлое, как и ученики, в задумчивости расхаживающие

между колонн и готовящие свои учебные декламации⁷⁷. Отныне местом учительства становилось церковное здание или помещение при монастыре. Невозможность заработать на жизнь преподаванием свела на нет сам тип учителя-мирянина.

Однако этот новый, принадлежащий к духовенству, учитель имел не так мало общего со своим античным предшественником, как может показаться на первый взгляд. Прежде всего, он по-прежнему сохранял за собой значительную свободу преподавания, был волен варьировать круг изучаемых текстов, требования к учащимся и дидактический инструментарий. Никаких единых требований в этой сфере не было, да и не могло быть. И лучшие из учителей нового, уже средневекового, типа сполна использовали эти возможности. Их труд являлся не технологией, а творчеством.

Отсюда – принципиальная невозможность реконструкции каких-либо унифицированных учебных программ и дидактических практик. Тем не менее, выделить какие-то самые общие тенденции, определявшие развитие преподавания в эпоху Толедского королевства, все-таки можно, что и будет показано в следующей статье.

¹ «В любое время будь готов к обучению!». См.: Isid. Syn. II.70.

² О Юлиане Толедском и его сочинениях подробнее см., например: *Rivera Recio J.F.* Los arzobispos de Toledo en el siglo VII // *Anales Toledanos*. 1971. T. 3. P. 205–214; *Miranda Calvo J.* San Julián, cronista de guerra // *Ibid.* P. 159–170; *Hillgarth J.N.* Las fuentes de San Julián de Toledo // *Ibid.* P. 97–118; *Pozo C.* «La doctrina escatológica del 'Prognosticon futuri saeculi'» de San Julián de Toledo // *La patrología Toledano-visigoda*. XXVII semana española de teología. Madrid, 1970. P. 215–244; *De Jong M.* Adding Insult to Injury: Julian of Toledo and his *Historia Wambae* // *The Visigoths from the migration period to the seventh century. An ethnographic perspective* / Ed. P. Heather. San Marino, 1999. P. 373–389; *Teillet S.* L'Histoire Wambae est-elle une oeuvre de circonstance? // *Los visigodos. Historia y civilización*. Actas de la semana internacional de Estudios Visigóticos. Madrid, 1986. P. 415–424.

³ Об Ильдефонсе Толедском подробнее см., например: *Madoz J.* San Ildefonso de Toledo a través de la pluma del Arcipreste de Talavera: Estudio y edición crítica de la Vida de San Ildefonso y de la traducción del tratado *De perpetua virginitate sanctae Mariae contra tres infideles*, por el Arcipreste de Talavera. Madrid, 1943; *Snow J.* Esbozo de la figura de San Ildefonso de Toledo (607–667), a través de mil años de literature española // *Anales toledanos*. 1984. T. 18. P. 19–43.

⁴ Jul. Vita S. Ildef. P. 463: «Fuit denique ... sapientia summus, disserendi ingenio clarus, eloquendi facultate praecipuus, linguae flumine copiosus, tantoque eloquentiae cothurno ceber habitus, ut disputationum ejus profusa oratio dum porrecte dirigitur, merito non homo, sed Deus per hominem affatim eloqui crederetur».

- ⁵ Об этом сочинении см. подробнее: *Fontaine J.* El “De viris illustribus” de San Ildefonso de Toledo: Tradición y originalidad // *Anales Toledanos.* 1971. Т. 3. P. 59–96.
- ⁶ См.: Hildef. De viris ill. 10: “Isidorus ... vir decore simul et ingenio pollens; nam **tantae jucunditatis affluentem copiam in eloquendo promeruit**, ut ubertas admiranda dicendi ex eo in stuporem verteret audientes, ex quo audita bis qui audisset, non nisi repetita saepius commendaret”.
- ⁷ *Cornelii Taciti Dialogus de oratoribus*-Dialog über den Redner. Stuttgart, 1981. Цит. по: *Сергеенко М.Е.* Жизнь в Древнем Риме. СПб., 2000. С. 174.
- ⁸ См. например, об этом: *Сергеенко М.Е.* Указ. соч. С. 173–182; *Barrow R.* Greek and Roman Education. L., 1976; *Bonner S.F.* Education in Ancient Rome: From the Elder Cato to the Younger Pliny. Berkeley, 1977; *Parks E.P.* The Roman Rhetorical Schools As a Preparation for the Courts Under The Early Empire. Baltimore, 1946; *Education in Greek and Roman Antiquity / Ed. by Y.L. Too.* Leiden, Boston, Cologne, 2001 etc.
- ⁹ См., например: *Сергеенко М.Е.* Указ. соч. С. 174–176; *Blanco R.* Quintiliano y su sistema de educación. Madrid, 1935; *Bianca G.G.* La pedagogia di Quintiliano. Milano; Padova, 1963; *Campos J.* La obra de un retor hispano // *Helmánica.* 1952. P. 452–475; *Martínez Gázquez J.* El género didáctico en Roma de Cicerón a Quintiliano // *Anuario de filología.* 1976. №. 2. P. 83–97; *Idem.* La descripción del maestro ideal en Quintiliano y Plinio el Joven // *Los géneros literarios.* Bellaterra, 1985. P. 239–245; *Sagredo L., Crespo S.* La enseñanza en la Hispania romana // *Hispania Antiqua.* 1975. No. 5. P. 121–134 и др.
- ¹⁰ Aug. Conf. IV.2.2: “docebam in illis annis **artem rhetoricam**, et victoriosam loquacitatem victus cupiditate vendebam”.
- ¹¹ Aug. Conf. V.5.9: “cum enim audio **christianum aliquem fratrem** illum aut illum ista nescientem et aliud pro alio sentientem, patienter intueor opinantem hominem nec illi obesse video, cum de te, Domine creator omnium, non credat indigna, si forte situs et habitus creaturae corporalis ignoret. obest autem, si hoc ad ipsam doctrinae pietatis formam pertinere arbitretur et pertinacius affirmare audeat quod ignorat. sed etiam talis infirmitas in fidei cunabulis a caritate matre sustinetur, donec adsurgat novus homo in virum perfectum et circumferri non possit omni vento doctrinae”.
- ¹² См., например: *Isid. Syn. II.20:* “Esto humilis, esto in humilitate fundatus, esto omnium ultimus, et novissimus, humilitate minimum te fac, nulli te praeponas, nulli te superiorem deutes, aestima, omnes superiores esse tibi, omnium te minimum existima, inferiorem te omnibus deputa”; *Ibid. II.21:* “Cave gloriae inanis studium, non te arroges, non te jactes, non te insolenter extollas” (ср.: *Aug. Conf. V.14.24:* “inanis cura”); *Ibid. II.31.* “Esto patiens, esto mansuetus, esto mitis, esto modestus” etc.
- ¹³ *Isid. Syn. II.42:* “Cave autem gloriam popularem, vita admirationem vulgi, desine jactare te in adulantium oculis, non sis circumflatus vento favoris”.
- ¹⁴ *Isid. Syn. II.49:* “Tace usquequo interrogaris; non **loquaris**, nisi interrogatus; non dicas, priusquam audias, interrogatio os tuum aperiat, sint verba tua pauca. Tolle **verbositatem sermonis** superflui, loquendi modum non excedas, ne immoderatione linguae incurras periculum, multiloquia non effugiant culpam, multiloquium non declinat peccatum, fluvius exundans cito colligit lutum, ultra modum flatus maris periculum parit, imbrium nimietas periculum suscitatur, linguosus homo imperitus est; **sapiens paucis utitur verbis...**”
- ¹⁵ *Isid. Syn. II.50:* “Abscinde etiam a lingua vitium detrahendi”.

- ¹⁶ Isid. Syn. II.57: “Non sis in verbis facilis, et in opere difficilis”; Ibid. II.73: “In principio audi, loquere novissimus”.
- ¹⁷ См., например: *Fontaine J.* Théorie et pratique du style chez Isidore de Séville // *Vigiliae Christianae*. 1960. Vol. 14. No. 2. P. 65–101; *Díaz y Díaz M.* La cultura literaria en la España visigótica / *Idem.* De Isidoro al siglo XI. Ocho estudios sobre la vida literaria peninsular. Barcelona, 1976. P. 57–85.
- ¹⁸ О судебном процессе в Толедском королевстве см.: *Petit C.* De negotiis causarum // *ANDE*. 1985. Т. 55. P. 151–251; 1986. Т. 56. P. 5–165.
- ¹⁹ Подробный анализ политической истории Тулузского и Толедского королевств вестготов выходит за рамки настоящей статьи. См. об этом подробнее: *Kluyde D.* История вестготов. СПб., 2002; *Orlandis J.* Época visigoda. Madrid, 1987; *D’Abadal i de Vinyals R.* Del reino de Tolosa al reino de Toledo. Madrid, 1960; *Rouche M.* Le royaume Wisigothique de Toulouse et d’Espagne // *De la Antigüedad al Medioevo*. Siglos IV–VII. III Congreso de Estudios Medievales. Avila, 1993. P. 281–290; *García Moreno L.A.* Historia de España visigoda. Madrid, 1989 и др.
- ²⁰ Подробнее см.: *Godoy C., Vilella J.* De la *Fides gothica* a la Ortodoxia nicena: inicio de la Teología política visigótica // *Los visigodos. Historia y civilización*. Actas de la semana internacional de Estudios Visigóticos. Madrid, 1986. P. 117–144; *Fontaine J.* Conversion et culture chez les visigoths d’Espagne / La conversión al cristianesimo nell’Europa dell’alto medioevo. *Settimane di studio del centro italiano di studi sull’alto medioevo*. Spoleto, 1967. P. 87–147; *Orlandis J.* El Cristianismo en la España visigoda // *Estudios visigóticos*. Roma; Madrid, 1956. T. I. P. 1–14; *Idem.* Los problemas canónicos de la conversión de los visigodos al catolicismo // *Idem.* La iglesia en España visigótica y medieval. Pamplona, 1976. P. 35–60 ff.
- ²¹ Подробнее см.: *Gibert R.* El Reino visigodo y el particularismo español. // *Settimane di studio del centro italiano sull’Alto Medioevo*. III: I goti in Occidente. Problemi. Spoleto, 1956. P. 537–584; *Orlandis J.* El rey visigodo católico // *De la Antigüedad al Medioevo*. Siglos IV–VII: III Congreso de Estudios Medievales. Avila, 1993. P. 53–64; *Idem.* Iglesia, concilios y episcopado en doctrina conciliar visigoda // *Idem.* La iglesia en la España visigótica... P. 154–184; *Barbero de Aguilera A.* Las divisiones eclesiásticas y las relaciones entre la Iglesia y el Estado en la España de los siglos VI y VII // *Idem.* La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid, 1992. P. 168–197; *Petit C.* Iglesia y justicia en el Reino de Toledo // *Los visigodos. Historia y civilización*. Actas de la semana internacional de Estudios Visigóticos. Madrid, 1986. P. 261–274; *Marten C.* La géographie du pouvoir dans l’Espagne visigothique. Lille, 2003; *Moreno Casado J.* Los concilios nacionales visigodos, iniciación de una política concordataria. Granada, 1946; *Ziegler A.K.* Church and State in Visigothic Spain. Washington, 1930; *Orlandis J., Ramos-Lisson D.* História de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona, 1986. P. 163–507.
- ²² При всем изобилии литературы вопроса до сих пор сохраняет значение классическая работа: *Ureña y Smenjaud R.* de. *Legislación gótico-hispana: (Leges antiquiores-Liber Iudiciorum)*. Estudio crítico. (2-a ed.). Pamplona, 2003.
- ²³ *Fontaine J.* Fins et moyens de l’enseignement ecclésiastique dans l’Espagne wisigothique // *La Scuola nell’Occidente latino dell’alto medioevo*. Spoleto, 1972. P. 145–229; *Martín Hernández F.* Escuelas de formación del clero en la España visigoda // *La patrología Toledano-visigoda*. XXVII semana española de teología. Madrid, 1970. P. 65–98.
- ²⁴ *Gibert R.* Enseñanza del derecho en Hispania durante los siglos VI a XI // *Ius romanum Mediæ aevi*. 1967. P. 4–24; *Díaz y Díaz M.C.* La cultura de la España visigótica del siglo VII // *Idem.* De Isidoro al siglo XI... P. 25–29; *Idem.* La obra

- literaria de los obispos visigóticos toledanos: supuestos y circunstancias // *Ibid.* P. 101–103; *Idem.* Problemas culturales en la Hispania tardorromana y visigoda // *De la Antigüedad al Medioevo. Siglos IV–VII: III Congreso de Estudios Medievales.* Avila, 1993. P. 7–32; *Orlandis J.* La Iglesia y la cultura en el período suevo-visigótico // *Idem.* *História del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas.* Madrid, 2003. P. 304–314; *Riché P.* L'éducation à l'époque wisigothique: les "Institutionum disciplinae" // *Anales Toledanos. III* (1971). P. 171–180; *García Moreno L. A.* *História de la Espana visigoda.* Madrid, 1989. P. 365–372; *García Iglesias L.* Zaragoza, ciudad visigoda. Zaragoza, 1979. P. 96–97.
- ²⁵ CT.VI.21.1 (a. 425, Theod./Valent.): "**Grammaticos graecos Helladium et Syrianum, latinum Theofilum, sofistias Martinum et Maximum et iuris peritum Leontium** placuit honorari codicillis comitivae ordinis primi iam nunc a nostra maiestate perceptis, ita ut eorum qui sunt ex vicariis dignitate potiantur. qua in re quicumque alii ad id **doctrinae** genus, quod unusquisque proficitur, ordinati prodentur, si laudabilem in se probis moribus vitam esse monstraverint, si docendi peritiam facundiamque dicendi, interpretandi subtilitatem, copiam disserendi se habere patefecerint et coetu amplissimo iudicante digni fuerint aestimati, qui in memorato auditorio **professorum** fungantur officio, hi quoque, cum ad viginti annos observatione iugi ac sedulo docendi labore pervenerint, isdem, quibus praedicti viri, dignitatibus perfruantur".
- ²⁶ Римский юрист III в. Папиниан упоминает о норме, предоставленной задолго до его времени Аквилем Регулом персонально ритору Никострату. См.: D.XXXIX.5.27 (Papinianus libro vicensimo nono quaestionum).
- ²⁷ D. L.13.1.6 (Ulpiani libro octavo de omnibus tribunalibus): **Ludi** quoque litterarii **magistris** licet non sint **professores**, tamen usurpatum et, ut his quoque ius dicatur: iam et librariis et notariis et calculatoribus sive tabulariis.
- ²⁸ CJ.X.53.4 (Diocl./ Maxim.).
- ²⁹ D.XXXIX.5.27 (Papinianus libro vicensimo nono quaestionum); D.L.13.1pr. (Ulpianus libro octavo de omnibus tribunalibus); CT.13.3.1pr. (a. 321/4, Constant.); CT.XIII.3.11 (a. 376, Valens/Grat./Valent); CT.XI.16.15 (a. 382, Grat./Valent./Theod.); CT.XI.16.18 (a. 390, Valent./Theod./Arcad.); CT.XIII.3.16 (a. 414, Honor./Theod.).
- ³⁰ D.L.13.1.4(Ulpiani libro octavo de omnibus tribunalibus); CT.XIII.3.16 (a. 414, Honor. /Theod.).
- ³¹ D. L.13.1.5 (Ulpiani libro octavo de omnibus tribunalibus).
- ³² CT.XIII.4.4 (a. 374, Valent./Valens / Grat.); C.XII.40.8 (a. 427, Theod./ Valent).
- ³³ D.L.13.1pr. (Ulpianus libro octavo de omnibus tribunalibus).
- ³⁴ D.XXXIX.5.27 (Papinianus libro vicensimo nono quaestionum); D.L.13.1pr. (Ulpianus libro octavo de omnibus tribunalibus); CT.XIII.3.11 (a. 376, Valens / Grat. /Valent); CT.XI.16.15 (a. 382, Grat./ Valent./ Theod.); CT.XI.16.18 (a. 390, Valent./Theod./Arcad.).
- ³⁵ Aug. Conf. V.8.14: "Non ideo Romam pergere volui, quod maiores quaestus maiorque mihi dignitas ab amicis qui hoc suadebant promittebatur (quamquam et ista ducebant animum tunc meum), sed illa erat causa maxima et paene sola, quod audiebam quietius ibi studere adulescentes et **ordinatiore disciplinae cohercitione sedari**, ne in eius **scholam** quo **magistro** non utuntur passim et proterve inruant, nec eos admitti omnino nisi ille permiserit"
- ³⁶ Aug. Conf. V.12.22: «Et ecce cognosco alia Romae fieri, quae non patiebar in Africa. nam re vera illas eversiones a perditis adulescentibus ibi non fieri manifestatum

est mihi: “sed subito”, inquit, ‘ne mercedem magistro reddant, conspirant multi adulescentes et transfertur se ad alium, desertores fidei et quibus prae pecuniae caritate iustitia vilis est.’ oderat etiam istos cor meum, quamvis non perfecto odio. quod enim ab eis passurus eram magis oderam fortasse quam eo quod cuilibet illicita faciebant».

³⁷ Aug. Conf. V.13.23: “Itaque posteaquam missum est a Mediolanio Romam ad praefectum urbis, ut illi *civitati rhetoricae magister* provideretur, impertita etiam *evectioe publica*, ego ipse ambivi per eos ipsos manichaeis vanitatibus ebrios (quibus ut carerem ibam, sed utrique nesciebamus) ut dictione proposita *me probatum* praefectus tunc Symmachus mitteret”.

³⁸ Наиболее показательной здесь представляется конституция 376 г., изданная императорами Валентом, Грацианом и Валентинианом II и адресованная Антонию, префекту притория Галлий (т.е. распространявшаяся и на испанские провинции): СТ.XIII.3.11 (а. 376, Valens /Grat. /Valent.): “Per omnem dioecesim commissam magnificentiae tuae frequentissimis in civitatibus, quae pollent et eminent claritudine, praeseptorum optimi quique *erudiendae* praesideant iuventuti: *rhetores* loquimur et *grammaticos atticae romanaeque doctrinae*. Quorum oratoribus viginti quattuor annonarum e fisco emolumenta donentur, *grammaticis latino vel graeco* duodecim annonarum deductior paulo numerus ex more praestetur, ut singulis urbibus, quae metropoles nuncupantur, *nobilium professorum* electio celebretur nec vero iudicemus, liberum ut sit cuique civitati suos *doctores* et *magistros* placito sibi iuvare compendio. Trevirorum vel clarissima civitati uberius aliquid putavimus deferendum, *rhetori* ut triginta, item viginti *grammatico latino, graeco etiam*, si qui dignus repperiri potuerit, duodecim praebeantur annonae”.

³⁹ Впрочем, в любом случае положение учителя в городе было привилегированным: другое дело, что включение в число подразумевало получение максимально широкого круга таких привилегий.

⁴⁰ D.L.13.1.4 (*Ulpiani libro octavo de omnibus tribunalibus*): “An et philosophi *professorum numero* sint? et non putem, non quia non religiosa res est, sed qui a hoc primum profiteri eos oportet mercennariam operam spernere”.

⁴¹ II.25.15: Item Romae *grammatici, rhetores* et *medici* et qui in patria sua id exercent et *intra numerum sunt*, a tutela vel cura habent vacationem.

⁴² СТ.XIII.3.14 (а. 387, Valent./Theod./Arcad.); C.XII.40.8 (а. 427, Theod./Valent.).

⁴³ D.L.13.1.1 (*Ulpiani libro octavo de omnibus tribunalibus*); СТ.13.3.1pr. (а. 321/4, Constant.); СТ.XIII.3.3 (а. 333, Constant.); СТ.XIII.3.16 (а. 414, Honor. /Theod.); СТ.XIII.3.17 (а. 414, Honor. /Theod.).

⁴⁴ СТ.XIII.3.14 (а. 387, Valent./Theod./Arcad.); C.XII.40.8 (а. 427, Theod./Valent.).

⁴⁵ СТ.XIII.3.16 (а. 414, Honor. /Theod.).

⁴⁶ См. выше примеч. 37. См. также: Aug. Conf. VI.6.9; VI.11.19.

⁴⁷ См.: Aug. Conf. I.9.14 (“*in scholam* datus sum ut discerem litteras”); I.13.22 (“grammaticarum *scholarum*”); III.3.6 (“*in schola* rhetoris”); V.8.14 (“in eius *scholam* quo magistro non utuntur”); VIII.5.10 (“loquacem *scholam*”). См. также: Aug. Conf. VI.9.14 (“sicut exerceri *scholastici* solent”); VI.11.18 (“quando praeparamus quod emant *scholastici*?”); IX.5.13 (“ut *scholasticis* suis Mediolanenses venditorem verborum alium providerent”).

⁴⁸ Isid. Etym. II.23 (De differentia dialecticae et rhetoricae artis): “Rhetorica ... ad *scholas* nonnumquam venit: ista iugiter procedit in forum”; Ibid. VIII.6 (De philosophis gentium).23: “de vana omnium philosophorum *schola* sumitur”; Ibid. X.111: “Nam si parvulus puer a nutrice aut ab *schola* discessit, fugitivus non est”. См. также: Isid. De viris ill. XXII.28: “Primasius, Africanus episcopus,

- composuit sermone *scholastico* de Haeresibus tres libros directos ad Fortunatum episcopum”.
- ⁴⁹ См., например, об этом: *Сильвестрова Е.В.* Lex Generalis: Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н.э. М., 2007.
- ⁵⁰ См., например: *Churchin L.A.* The Local Magistrates of Roman Spain. Toronto, 1990.
- ⁵¹ Особенно см. конституцию Аркадия, Гонория и Феодосия от 408 г. (СТ. XVI.2.39 (а. 408, Arcad./Honog./Theodos.), вошедшую в “Бревиарий Алариха” (Brev. XVI.1.5) и снабженную официальным комментарием (interpretatio), что указывает на значимость этой нормы. Согласно означенной конституции, клирика, поправшего нормы, налагаемые на него статусом, надлежало возратить в число куриалов.
- ⁵² Законодательство о куриалах в “Бревиарии Алариха” см.: Brev. II.17.1.4; II.30.1; V.2.1; V.3.1; IX.15.1; IX.32.2; X.2.1; XI.6.1; XII.1.1–9; XII.2.1–2; XVI.1.5.
- ⁵³ *Jacques F.* Le privilège de liberté: Politique imperial et l’autonomie municipales dans les cités de l’Occident. Paris, 1984.
- ⁵⁴ Concilium Eliberitanum // La colección Canónica Hispana. Madrid, 1984. T. 4: Concilios Galos. Concilios Hispanos: Primera Parte / Ed. por G. Martínez Díez, S.I., F. Rodríguez, S.I. Can. 2–4, 56. (Monumenta Hispaniae Sacra. Ser. Canónica. Vol. IV).
- ⁵⁵ См.: LI. V.4.18 (Chind.): “De non alienandis privatorum et *curialium* rebus”.
- ⁵⁶ LI. XII.1.2 (Recc.): “Conperimus, quod numerarii vel defensores annua vice mutentur..., iubemus, ut numerarius vel defensor, qui *electus ab episcopis vel populis* fuerit, commissum peragat officium”. Cfr.: Brev. I.10.1 (=СТ. I.29.6 (а. 387, Valent./Theod./Arcad.)). См. также Interpretatio к этому закону: “Hi instutuantur civitatum defensores, quos *consensus civium* et subscriptio universorum *elegisse cognoscitur*”.
- ⁵⁷ Conc. Tolet. II (а. 527). Can. 1: “De his quos parentes ab infantia in clericatus officio manciparunt, si post eam voluntatem habent nubendi”: “De his quos voluntas parentum *a primis infantiae annis* clericatus officio manciparunt hoc statuimus observandum: ut mox detonsi vel ministerio electorum contraditi fuerunt *in domo ecclesiae* sub episcopali presentia a preposito sibi deberunt *erudiri*; at ubi *octavam decimum aetatis suae compleverint annum*, coram totius cleri plebisque conspectu voluntas eorum de expectando coniugio ab episcopo prescrutetur”.
- ⁵⁸ См. выше примеч. 23 и 24.
- ⁵⁹ См., например, об этом: *Клауде Д.* Указ. соч. С. 91–95.
- ⁶⁰ Свидетельством этого является, в частности, наличие десятков сланцевых табличек, большинство из которых содержит элементарные школьные упражнения. См. об этом: *Velázquez Soriano I.* Documentos de época visigoda escritos en pizarra (siglos VI–VIII). Turnhout, 2000. Т. 1–2; *Idem.* Las pizarras visigodas: entre el latín y su segregación. La lengua hablada en Hispania, siglos VI – VIII. Madrid, 2004.
- ⁶¹ См., например: Isid. De diff. rerum. XIX.74: Inter infantiam et pueritiam, et reliquas aetates, sapientes ita definierunt. *Prima hominis aetas infantia*, secunda pueritia, tertia adolescentia, quarta juvenus, quinta senectus, sexta senium. Duae primae aetates singulis annorum terminantur hebdomadibus, propter simplicem vitam. Nam *infantia septimo anno finitur*, quartodecimo pueritia, dehinc sequens adolescentia duabus constat hebdomadibus propter intellectum et actionem. Quae duae nondum erant in pueris, et porrigitur haec aetas a quinto decimo anno usque ad XXVIII.

- ⁶² Isid. Reg. XX.5: “Porro cura nutriendorum parvulorum pertinebit ad virum quem elegerit Pater, sanctum sapientemque, atque aetate gravem, informantem *parvulos* non solum *studiis litterarum*, sed etiam *documentis magisterique virtutum*”.
- ⁶³ О монашеском уставе Исидора Севильского см., например: *Séjourné P.* Le dernier père de l’Église Saint Isidore de Séville. Son rôle dans l’histoire du Droit Canonique. Paris, 1927. P. 83–86.
- ⁶⁴ Aug. Conf. I.9.14: “inde *in scholam* datus sum ut discerem *litteras*”.
- ⁶⁵ См., например: Aug. Conf. VI.10.16: “inlectus erat *studio litterario*” (об ученике Августина Алипии). См. также Aug. Conf. II.3.5 (о годах учения самого Августина).
- ⁶⁶ Siseb. Vita Desiderii.2: Hic uir de stimata claro Romanis a parentibus ortus ab ipsis conabulis Deo sacratus nobilissimam satis trahebat prosapiem. Qui cum annos quos fas est doceri contigisset legitimos, traditur *ad studia litterarum*. Nec multa morula, concescente sensus sui uigore iam doctos transcendens, *plenissime grammatica edocatus* diuinatas auctoritates mira celeritate retinendo explicuit.
- ⁶⁷ См., например: Conc. Tolet. III (a. 589). [Homelia Sancti Leandri in laude Ecclesiae ob conversionem gentis post concilium et confirmationem canonum edita]: “...per evangelica oracula, per apostolica documenta”; Conc. Tolet. XII (a. 681). Can. 1: “...quidquid sancta synodus Nicaena constituit, quidquid Constantinopolitana partum adgregata collection promulgarit, quidquid Efeseni coetus definito dici docuit, quidquid etiam Calcidonensis concilii promulgation definivit, sicut multorum aliorum catholicorum partum documentis id sacramentum expositum traditumque nobis accepimus”.
- ⁶⁸ См.: Conc. Tolet. VII (a. 646). Can. 5: “nisi prius in monasterio constituti, et secundum sanctas monasteriorum regulas plenius erudiri et dignitatem honestae vitae et notitiae potuerint sanctae promereri doctrinae”.
- ⁶⁹ Vita Fruct.1: “Post decessum igitur parentum, abjecto saeculari habitu, tonsoque capite cum religionis initia suscepisset, tradidit se *erudendum spiritualibus disciplinis* sanctissimo viro *Conantio episcopo*”.
- ⁷⁰ Hildef. De viris ill. 8: *Justus Helladii discipulus*, illique successor innexus est: vir habitudine corporis, ingenioque mentis decorus, atque subtilis, ab infantia monachus; ab Helladio ad virtutem monasticae institutionis affatim *educatus* pariter et *instructus*, in Agaliensi monasterio tertius post illum rector est factus. См. также о степени учености самого Элладия: Ibid. 7.
- ⁷¹ См.: Vita vel Gesta S. Ildefonsi Toletanae sedis metropolitani episcopi, a Zixilano ejusdem urbis episcopo edita // España Sagrada. Madrid, 1859. T. 5: “1. (...) Non impar meritis sanctissimi illius domini Isidori, de cujus fonte adhuc clientulus purissimos latices bibit: nam directus a sancto ac venerabili papa Eugenio, Toletanae sedis metropolitano episcopo, ad supradictum doctorem spalensem metropolitanum episcopum, cum sibi jam sciolus videbatur, adeo ab eo tentus et elimatus est, et ut ferunt temporali ferro constrictus, ut si quid scientiae deerat, plenius instructus, ad *pedagogum suum* domnum Eugenium remeans, non post multos dies adhuc diaconii officium peragens, in ecclesia sactorum Cosmae et Damiani, quae sita et in suburbio toletano, abba praeficeretur”.
- ⁷² Felix. Vita S. Juliani.1: “Julianus *discipulus Eugenii secundi*, Carthaginis provinciae metropolitani”.
- ⁷³ См., например, об этом: *Gibert R.* Enseñanza del derecho en Hispania... P. 11–24; *Orlandis J.* La Iglesia y la cultura en el período suevo-visigótico... P. 304–314, и др.

- ⁷⁴ См.: Epist. nn. 11 (P. 677–678), 12 (P. 678–679), 13 (P. 679–681), 14 (P. 681–683), 15 (P. 683–684), 16 (P. 684–685). О Булгаре см. также: *Orlandis J.* El conde Búlgar, o la azarosa vida de un gobernador provincial / Idem. Historia del reino Visigodo Español... Madrid, 2003. P. 377–386.
- ⁷⁵ Epist. Braul. nn. 25, 26.
- ⁷⁶ См., например: Aug. Conf. I.13.22: “*Vela* pendent liminibus grammaticarum scholarum”; Ibid. I.16.26: ...lactantur in te filii hominum cum mercedibus, ut haec discant, et magna res agitur cum hoc *agitur publice in foro*, in conspectu legum supra mercedem salaria decernentium”.
- ⁷⁷ См., например: Aug. Conf. VI.9.14: “Nam et illud quod, cum adhuc studeret iam me audiens apud Carthaginem et medio die cogitaret *in foro* quod recitaturus erat, sicut *exerceri scholastici* solent”.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- a – anno (при указании дат)
- AHDE – Anuario de historia del derecho español (Madrid)
- Aug. Conf. – Augustinus. Confessiones / Ed. and comm. by J.J. O’Donnell. Oxford, 1992.
- Brev. – Breviarium Alarici II (= Lex Romana Visigothorum) // Lex Romana Visigothorum / Ed. G. Haenel. Lipsiae, 1849.
- CJ – Codex Justinianus // Corpus juris civilis /Ed. P. Krueger. Berolini, 1906. Vol. II: Codex Iustinianus.
- Cone. Tolet. – Concilium Toletanum: Acta // Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por José Vives, T. Marín Martínez, G. Martínez Díez. Barcelona; Madrid, 1963.
- CT – Codex Theodosianus // Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmodinianis et Leges Novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P.M. Meyer. Beralini, 1905. Vol. 2.
- D – Digesta Justiniani // Corpus juris civilis / Ed. T. Mommsen, P. Krueger. Berolini, 1906. Vol. I: Digesta seu Pandecta: Institutiones.
- Epist. – Epistulae wisigothicae / Ed. W. Gundlach // MGH: Epistulae Merovingici et Karolini aevi. Berolini, 1892. T. 1.
- Epist. Braul. – Epistolario de San Braulio / Introd., ed., trad, por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975.
- Felix. Vita S. Juliani – Sancti Juliani episcopi Vita seu Eulogium auctore Felici Toletano // PL. Paris, 1851. Vol. 96. Col. 445–452.
- Hildef. De viris ill. – Sancti Hildefonsi Toletani episcopi Liber de viris illustribus // PL. T. 81.
- I – Institutiones Justiniani // Corpus juris civilis / Ed. T. Mommsen, P. Krueger. Berolini, 1906. Vol. I: Digesta seu Pandecta. Institutiones.
- Isid. De diff. rerum. – Sancti Isidori Hispalensis episcopi Liber de differentiis rerum // PL. T. 83: Sancti Isidori Hispalensis Opera omnia.
- Isid. De viris ill. – Isidori Hispalensis De vms illustribus // El “De viris illustribus” de Isidore de Sevilla / Estud. y ed. crítica por C. Codofier Merino. Salamanca, 1964. P. 129–153.
- Isid. Etym. – Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive originum libri XX / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit W.M. Lindsay. Oxonii, 1911.

Isid. Reg. – Regula sancti patris Isidori episcopi // Santos padres espanoles, II. Madrid, 1971. P. 90–125.

Isid. Syn. – Sancti Isidori Hispalensis episcopi Synonyma de lamentatione animae peccatricis // PL. T. 83.

Jul. Vita S. Ildef. – Juliani Vita Sancti Ildefonsi // Espana Sagrada. T. 5. Madrid, 1859.

LI – Liber Iudiciorum (=Lex Visigothorum) // Leges Visigothorum. / Ed. K. Zeumer. // MGH: Legum sectio, 1. Hannoverae et Lipsiae, 1902.

Siseb. Vita Desiderii. – Vita vel Passio Sancti Desiderii a Sisebuto rege composita // Miscellanea Wisigothica / Ed. I. Gil. Sevilla, 1972.

MGH – Monumenta Germaniae Historica.

PL – Patrologia latina

Vita Fruct. – Vita Sanctissimi Fructuosi episcopi // PL. T. 81. Col. 459–470.